

Илья Немцов

ГОНЧАР ИЗ МОДИИНА

историческая трилогия

роман первый

Гончар из Модина

Илья Немцов

Гончар из Модина

«Книга-Сэфер»

2004

Немцов И.

Гончар из Модиина / И. Немцов — «Книга-Сэфер»,
2004 — (Гончар из Модиина)

Период описываемых событий охватывает эпоху Эллинского и сменившую её Римского господства в Иудее. Этот период характеризовался острыми конфликтами, сложным сплетением событий и человеческих судеб.

Многочисленные предания, литературные, археологические и исторические источники позволяют воссоздать зримую картину далекого и одновременного близкого нам времени. Наше прошлое не кануло в Лету. Независимо от нас оно властно врывается в нашу сегодняшнюю действительность. Без знания и понимания прошлого — будущее представляется мне туманной и тревожной неопределенностью. Книга посвящена жизни нескольких поколений семьи горшечника из Модиина — Эльзара бен Рехавама.

Содержание

Вступление	6
Луна над Аялонской долиной	7
1. Предгорье	9
2. Дура-Европос	11
3. Возвращение	24
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Илья Немцов (Нимиц) Гончар из Модиина (Роман трилогия, книга первая)

*Книга посвящается моему многострадальному народу,
возвратившемуся на родную землю после многовекового изгнания.*

Автор

Piia Nemtsov (Nimits). „POTTER FROM MODI" IN"
TEL-AVIV, 2004.

© Copyright с Piia Nemtsov.
All Rights reserved by the Author.
Dr. Piia Nemtsov. 1–8 Emek Dotan St.
71701 Modiin, Israel
965-90693-0-8

(с) 2013 Илья Немцов
Все права сохраняются за автором.

Период описываемых событий охватывает эпоху Эллинского и сменившую её Римского господства в Иудее.

Этот период характеризовался острыми конфликтами, сложным сплетением событий и человеческих судеб.

Многочисленные предания, литературные, археологические и исторические источники позволяют воссоздать зримую картину далекого и одновременного близкого нам времени.

Наше прошлое не кануло в *Лету*. Независимо от нас оно властно врывается в нашу сегодняшнюю действительность.

Без знания и понимания прошлого — будущее представляется мне туманной и тревожной неопределенностью.

Книга посвящена жизни нескольких поколений семьи горшечника из Модиина — Эльзара бен Рехавама.

Встречающиеся в трилогии имена и излагаемые события вымышлены, совпадения случайны. Вместе с тем автор стремился с возможной точностью и полнотой воссоздать действительность тех далеких лет.

Илья Немцов.

Вступление

"Сохрани меня, Господь, чтобы я отдал тебе наследство отцов моих", — сказал Навот царю Ахаву, который хотел купить у него виноградник".

I Книга царей XVI,31.

Черепки... Осколки глиняных сосудов когда-то хранивших воду, зерно, оливковое масло, виноградный сок.

Эти черепки нередко остаются единственным *говорящим* свидетелем давно исчезнувших эпох.

Те самые черепки, множество которых разбросано в Негеве на холмах Авдата — древней столицы набатеев, на возвышенности Титура, что раскинулась в округе Модиина, на окраинах ныне восстановленной деревни Хасмонеев.

Эти черепки бережно выуживают из Священной земли Иерусалима или из многослойного пирога раскопок Мегиддо, Гезера, Бет-Эля.

Они доходят до нас, подобно лучам света давно погасших звезд. И, подобно этим лучам, несут в себе важные вести о бушевавших войнах, о бесконечных нашествиях, о разрушениях и пожарах.

Именно эти черепки донесли до нас сведения о том, как когда-то люди жили на земле легендарного Модиина. Что было их хлебом насущным, каковы были их интересы, мечты и судьбы.

В этих черепках закодированы мастерство, поиск и особенности самоотверженного труда горшечников, гончаров, керамистов тех времен.

Одному из таких гончаров и посвящено наше повествование.

Имя гончара, как гласит придание, Эльзар бен Рехавам.

Луна над Аялонской долиной (Предисловие)

Глядя из Модиина на замершую в ночном небе лампу луны, мгновенно вспоминаешь восклицание Йошуа Бин-Нуна: "Солнце, стой над Гаваоном, луна над Аялонской долиной!", и без всякого ориентирования по компасу узнаешь, что ты находишься в самой пуповине исторических событий тысячелетней давности, вышедших на всемирный уровень, ставших еще одним, после Исхода из Египта, пьедесталом выхода человечества из рабства на свободу.

В этот ночной час, еще до взгляда на луну, ощущаешь особый оливково-сосновый, я бы сказал, олеографический запах окружающих долин и всхолмий Модиина, с такой любовью привнесенной и пронесенной Ильей Немцовым через трилогию своих романов — "Гончар из Модиина", "Возвращение" — ("На круги своя"), "Багровый закат".

Да, у этой самой земли, выбранной автором не только, как место жительства, но и как место в Истории народа Израиля, незабываемые имена: Земля Обетованная и Святая. Она бы пахла, как лубок, выписанный маслом, которое еще не просохло и стекает с кисти, как только вышедший из обжига керамический сосуд. И эти запахи пробудили бы в памяти особый цвет неба этой земли, особую свежесть мирта и речной вербы к празднику Кущей, особый ликующий хор птичьих голосов на раннем рассвете по дороге на раскинувшийся недалеко, на холмах, Иерусалим. И в полном покое души и природы можно было бы листать страницы истории богоизбранного народа, так же, как истории других народов, если бы страницы эти не были сожжены, если бы сквозь тысячелетия, как сквозь эти долины и поверх этих всхолмий, до нас не докатывался ветер, пропахший гарью и смертью.

На этой сравнительно узкой полоске земли между Великим морем с запада и пустыней с востока, соединяющей Азию и Африку, без конца сталкивались державы древности. Памятью этих бесконечных столкновений и кровопролитий стоят развалины Мегиддо, двадцать раз сожженного и восстанавливаемого, начиная с 4000 лет до новой эры, ставшего для всего мира символом окончательной борьбы между сынами света и сынами тьмы: Гора Мегиддо — Ар Мегиддо — Армагеддон.

Но ведь речь идет о двадцати срезях человеческой жизни, со сменой поколений, любовью и разочарованием, проблемой отцов и детей, и, главное, защитой от чужеземных полчищ, без конца идущих с юга на север и с севера на юг, которые жизнь твою в грош не ставят.

Таков и срез жизни в поколениях горшечника из Модиина Эльзара бен Рехавама, жизни, освещенной и освященной именами родившихся здесь, в Модиине великих Маккавеев — отца Матитьягу и его сыновей Иегуды, Шимона, Эльзара и Ионатана, в отличие от пророков, начиная с законоучителя Моисея, людей из народа, мужество которых, сумевших разгромить хорошо вооруженные и оснащенные войска Антиоха Четвертого Эпифана на крутом спуске с Верхнего Бет-Хорона к Нижнему, совсем рядом с Модиином, по сей день потрясает весь мир, и в свое время породило обширные Хроники — четыре Книги Маккавейские, объявленные католической церковью Богодухновенными и включенные ею в Катехизис.

Но в этих эпохальных всемирных завихрениях событий, хроника жизни отдельной семьи горшечника из Модиина вовсе не выглядит чем-то мелким, незначительным, лежащим в стороне от столбовой дороги Истории, залитой кровью. Именно из корней такой семьи выросла та стойкость, которая позволила не покориться рабству и добиться свободы и права жить по законам своих предков.

С первых строк трилогии, за всеми перипетиями существования, забот жителей Модиина как черный, трагический, медленно надвигающийся в течение трех романов фон, стоит угроза быть уничтоженными, стертыми жерновами держав — наследниками империи Алек-

сандра Македонского, безумными и жестокими императорами Рима, такими, как Нерон, Веспасиан, Тит. Этот грозно стоящий вдалеке вал позже или раньше должен разрядиться и подобно цунами, снести всё и всех на своем пути.

И начиная свою трилогию, Илья Немцов все время держал в уме эту угрозу и всеми силами души старался её сдержать. Это и создало внутреннее напряжение развивающегося текста и трагическую целостность трилогии, хотя надежда, теряя на глазах свои позиции, пыталась со всех сил сопротивляться.

И финал напоминает мне пустынный берег в Датском королевстве после того, как все герои трагедии, Гамлет, стерты из жизни, и пустота празднует свой триумф.

И все же подспудно читатель держит в уме, что жизнь на этой сожженной земле возродилась, и после тысячелетий преследований и гибели еврейский народ вернулся на эту землю праотцев и сумел построить на ней свободное и цветущее государство — Израиль.

И вклад в это дело писателя Ильи Немцова несомненен.

Эфраим БАУХ.

1. Предгорье

Начальник греческого гарнизона гипарх Апеллес был, по сути дела, единственным и полноправным властителем всех земель простиравшихся от Лахиша до самого Иерусалима.

В своей *гипархии* Апеллес "пас стадо варваров-иудеев", как любил он выражаться, и, естественно, пользовался всеми благами, следовавшими из его исключительного положения.

Последнее было зафиксировано в специальном папирусе, полученном Апеллесом непосредственно из рук самого царя Антиоха IУ Эпифана.

Рядом с личной подписью и печатью Царя Антиохии, Сирии и Палестины стояла дата: 27 Мухиниона, во второй год 151 Олимпиады, согласно календарю Эллады, или 27 день месяца Нисана 3586 года от сотворения мира, по иудейскому летоисчислению.

Для размещения военного лагеря или *стратопедона* Апеллес выбрал селение Модиин. Это селение находилось на полпути между прибрежной равниной с её важными портовыми городами Яфо, Ашкелон, Ашдод и сердцем Иудеи — Иерусалимом.

Через Модиин проходила основная дорога, соединявшая эти два стратегически важных района, входивших во владения Антиоха IV.

Дорога была загружена во все дни недели, но особенно эта загрузка возрастала перед праздниками Восхождения: *Песах*, *Шавуот* и *Суккот*.

Длинные караваны, навьюченных до отказа верблюдов, медленно продвигались к Святому городу. Подчиняясь этому ритму, плелись нескончаемые вереницы ослов и мулов. Скрипели повозки, запряженные волами, были здесь и двуколки с колесами, обитыми тонкими железными полосами, крайней редкостью в ту пору. Как правило, у большинства тяжелых арб колесами служили круги, высеченные из вековых оливковых деревьев.

Пространство между повозками и навьюченными животными было заполнено толпами паломников и множеством рабов, груженых корзинами со всевозможной снедью.

Место расположения стратопедона позволяло гипарху Апеллесу вести круглосуточное наблюдение за дорогой и собирать обильные таможенные налоги.

Часть собранных денег Апеллес пересылал в Антиохию, где находилась царская казна Селевкидов, другая часть шла на содержание гарнизона и кое-что оседало в карманах гипарха, готовившегося спустя два года выйти в отставку.

Состарившийся, но еще физически крепкий человек Апеллес приложил немало усилий, чтобы военный лагерь соответствовал требованиям, установленным еще в период Великого полководца. На самой высокой точке возвышенности Титура была возведена сторожевая башня, служившая для наблюдения за дорогой. Башне был придан грозный вид. Со всех четырех сторон на округу смотрели узкие бойницы для лучников. Верхняя площадка была удобна для метателей копий и дротиков.

Была в распоряжении гипарха Апеллеса также пехота, состоявшая в основном из наемников, и три боевые колесницы, которые, однако, использовались скорее для хозяйственных нужд, нежели для военных целей.

Иудея слыла спокойным местом еще со времён Соглашения между Иерусалимом и Александром Македонским. Тем не менее, в лагере был хорошо укомплектованный отряд конников.

Апеллес не раз посылал в столицу папирусы в которых подробно сообщал о растущей враждебности, варваров-иудеев к эллинам и нашим союзникам из иудейской знати, принявшей эллинскую веру, Присланный отряд конников и был ответом на эти послания.

Кавалерию возглавлял *гекатонтарх* (сотник) Силонос.

Выходец из известной фессалийской семьи, он уже успел отслужить более семи лет в различных крепостях Империи, прежде чем, по его же просьбе, был направлен в Иудею.

О причинах этого, не совсем обычного по тем временам решения, мы узнаем из дальнейшего повествования.

Военное образование сотник завершил в Афинах. Был храбр, инициативен, умён, но, как говорил Апеллес: „немного подпорчен философскими учениями, процветавшими а ту пору.“

В занятиях этих школ молодой офицер действительно принимал деятельное участие.

Апеллес и Силонос были антиподы. И их полная противоположность сеяла между ними семена непримиримого раздора. Особенно эта непримиримость касалась отношения к местному населению.

Вокруг стратопедона раскинулись поля и виноградники жителей Модиина. Чуть дальше оливковые рощи, плантации миндаля и рожковых деревьев. Над всем этим возвышались небольшие группы плодоносящих пальм.

Это было одно из многочисленных селений, разбросанных у подножия Иудейских гор.

Подобно стратопедону в округе Модиина, греческие форпосты располагались во множестве также и на других территориях огромной империи Александра Великого.

Эти форпосты достигали границ Бухары и Мараканда (ныне Самарканд). Их цепь прорезала северо-западные районы Индии, доходила до границ Китая. Они свидетельствовали о греческом присутствии в Киликии, Сирии, Вавилонии.

С одним из таких форпостов, а именно с Дура-Европосом, и оказались странным образом связаны судьбы Эльзара, горшечника из Модиина, и блестящего греческого офицера Силоноса.

2. Дура-Европос

Форпост эллинистического господства Дура-Европос находился на Среднем Евфрате в Сирийских владениях царя Антиоха, господствовавшего в Вавилонии, Финикии и Палестине. Здесь начал свою военную карьеру гекатонтарх Силонос.

В тот год тяжелая эпидемия черной оспы, постигшая эти места, выкосила немало солдат крепости, и командование прислало пополнение — отряд конников во главе с сотником Силоносом и значительную группу рекрутов, набранных в разных провинциях империи.

В обязанности Силоноса, специалиста по военному картографированию, входило также командование гарнизоном и обучение военному делу солдат из прибывавшего пополнения.

Вскоре он обратил внимание на одного из них, недавно рекрутированного из Иудеи. Невысокого роста, сероглаз, крепок телосложением, он был молчалив и усерден. Причем это усердие, как заметил Силонос, шло не от желания получить поощрение или подняться по служебной лестнице, что было бы вполне понятным, но исходило из свойств характера иудея.

Как-то после тяжелых ночных учений, когда солдаты, издавая невероятный храп, спали он заглянул в солдатский шатер и был поражен увиденным.

Один из солдат, тот самый иудей, вместо предусмотренного сна, сидел на своем коврике и был чем-то увлечен. Когда же он заметил вошедшего офицера, было поздно. Нарушение дисциплины влекло за собой тяжелое наказание.

Тем не менее, иудей не казался ни смущенным, ни виноватым, а лишь мгновенно встал, приветствуя офицера.

— Чем это ты занят во время предписанного отдыха?! — сердито спросил Силонос, — и назови свое имя.

— Отдыхаю как все, гекатонтарх! — последовал ответ рекрута, — а имя моё: Эльзар бен-Рехавам из Модиина, что в Иудее. — И чуть тише добавил, — каждый восстанавливает свои силы, как лучше для дела и для него. — А затем, посмотрев в глаза Силоносу, сказал, — если позволишь, гекатонтарх, я продолжу свой отдых.

Силонос, молча, смотрел на солдата. Подобное еще не встречалось в его военной карьере. Он вдруг заколебался, наказывать ли этого явно неробкого иудея? Но видя, как тот в считанные минуты вылепил очередную солдатскую кружку, ничего не сказав, вышел из шатра.

Оглянувшись. Неподалёку, за кустами, на знойном солнце подсыхали около десятка подобных кружек. Часть из них была сырой, но большинство хорошо подсохли. Эти кружки были светлее и по цвету приближались к солнечным лучам полуденного солнца.

Формой они напоминали Силоносу *эхоной*, при помощи которого веселившиеся молодые люди в афинских домах, черпали вино из кратера и разливали по кубкам. И он улыбнулся несопоставимости ситуаций.

Подняв одну из таких кружек, ожегся и она упала, ударившись о валявшиеся вокруг камни., Не разбилась! — с удовольствием отметил Силонос.

Теперь он узнал, откуда у его солдат эта посуда. Он поставил на место уроненную кружку. Ушел.

Эльзар знал, что его посадят в *карцер* — узкую как нора дикобраза яму, там было множество ползучей и прыгающей нечисти, кар вз цар, — *холод и теснота* — расшифровал он на родном иврите слово *карцер* и горько улыбнулся. Но может случиться и похуже. Накажут пятьюдесятью плетями, что не каждый выдерживал.

Эльзар не боялся физических страданий. Ему всегда помогала молитва, обращенная к Всевышнему. Его пугала возможность запрета заниматься любимым делом. В нем он видел смысл своего существования.

Нет, он не наложит на себя руки, как это недавно сделал его однополчанин — финикиец Ксит. Господь наш Бог такое не прощает, но сама жизнь потеряет для него всяческое значение. И это было самое страшное.

Так размышлял Эльзар после ухода сотника. И когда спустя два дня к нему подошел фессалиец Никас, коневод Силоноса, и передал требование немедленно зайти в офицерский шатер, Эльзар понял, его судьба решена и был готов к любому развитию событий.

В офицерском шатре было прохладно. Пятеро рабов непрерывно поднимали и опускали огромные опахала из длинных дрофиных перьев. Кроме Силоноса, командовавшего кавалерией — главной силой гарнизона, на коврах возлежали еще два офицера — Главкон — начальник отряда лучников и Филон — командир копейщиков, непосредственный начальник Эльзара.

"Триадос", — мелькнуло в голове Эльзара, — решение этих трех было окончательным".

Офицеры с непонятым интересом посмотрели на вошедшего. Эльзар был метатель дротиков. Его одежда соответствовала предписанию, но оружия при нем не было.

— Вот тебе и воин! — приподнялся со своего ковра Филон. — Почему ты не при оружии?! — грозно добавил он.

В шатре наступила напряженная тишина. От его ответа, как понял Эльзар, может зависеть многое.

— Меня вызвали в офицерский шатер, как я понял, не сражаться, но повиноваться любому принятому здесь решению, — с достоинством, но без всяких эмоций ответил Эльзар.

Ответ вызвал улыбки на лицах офицеров.

— Присаживайся, — обратился к Эльзару Силонос. И пододвинул к нему кружку и плоский поднос с фруктами.

Эльзар понял, что это и есть обвинительное заключение. Перед ним была одна из тех кружек, которые стояли в кустах на солнечном закале. Вина его, как представлялось Эльзару, состояла не только в том, что он нарушил установленный порядок отдыха. Было и еще одно, не мене серьезное нарушение военной дисциплины, о котором знали, однако, немногие.

Во время очередных учений, в ущелье Ару, вблизи Дура-Европоса, он обнаружил светло-серую глину, которая, в смеси с желтой, превращала изделие в настоящий камень. В своем наплечном мешке, находившемся рядом с чехлом, заполненным дротиками, он перетаскал большое количество этой глины, а затем использовал её для изготовления солдатских кружек.

Использование же наплечного мешка для других целей, кроме предусмотренных предписанием, было строго запрещено.

— Такой кружкой пехотинец может одним ударом размозжить голову врага, — пошутил фессалиец Никас, когда Эльзар подарил ему, своему товарищу, как он думал, одну из таких кружек... И именно эта кружка сейчас стояла перед ним.

„Значит, гекатонтарх узнал об этих его преступлениях от Никаса... Вот уж не ожидал", — с горечью подумал Эльзар.

Он знал из рассказов старых воинов, да и сам видел, как провинившегося солдата наказывали чашей с ядом. Эта чаша теперь стояла перед ним. И той чашей была каменная кружка, им же созданная.

„Значит такова судьба. Пути Всевышнего неисповедимы".

Он мысленно попрощался с младшей сестрой Шифрой, остающейся одинокой в далёком Модине. И в этот последний миг, не обращая внимания на следивших за ним офицеров, твердой рукой взял заполненную доверху кружку, и вполголоса произнес: „Шма Исраэль, Адонай Элокейну — Адонай Эхад!" и одним махом выпил содержимое.

Офицеры с явным удивлением посмотрели на Силоноса. Что сказал иудей?

— Ты ошибся, — гордый человек, — неожиданно мягко сказал Силонос, — в кружке была родниковая вода из ущелья Ару. — Затем, резко сменив тему, спросил:

— Ты когда-нибудь ездил верхом на лошади?

— На рослом муле, — придя в себя, коротко ответил Эльзар.

Офицеры расхохотались: от мула до скакуна не такая уж большая дистанция!

Хорошо! — подытожил Силонос. — Со второго дня следующей недели я зачисляю тебя в мой конный отряд. Сейчас ты свободен.

Эльзар вышел. Он не мог осознать происшедшее. Весь день был как в лихорадке. И лишь вечером, когда к солдатскому костру подсел Силонос, а он это делал довольно часто, в отличие от других офицеров, Эльзар многое понял.

Согласовав с другими офицерами, Силонос перевел Эльзара в свой отряд и теперь объяснил почему. От Эльзара требовалось быстрое освоение новой военной специальностью — строевого конника. Кавалерия была привилегированной частью армии.

В распоряжение Эльзара поступал раб — опытный коневод. В свободное же время, а оно всегда бывает у конников, — подчеркнул Силонос, — Эльзар обязан будет заниматься гончарным делом.

Потрясенный услышанным, Эльзар не выдержал, и из его груди вырвалось сдавленное рыдание.

Но гекатонтарх, не заметив этого, продолжал:

— Первое поручение, которое ты должен будешь выполнить, Эльзар, — он назвал его по имени, — изготовить для солдатской кухни двести пятьдесят кружек и полсотни подносов.

В твоё распоряжение поступают шесть рабов и четыре рабыни, сведущие в гончарном и кухонном деле. Они у нас новые, из тех, что вчера отбили у парфян.

Так в далекой греческой крепости начался новый этап жизни горшечника из Модиина, во многом определивший его дальнейшую судьбу.

Гекатонтарх Силонос обладал почти неограниченной властью в Дура-Европосе, был решителен, любознателен и умен.

Часами он мог наблюдать за работой Эльзара, строившего по его, Силоноса решению, керамические мастерские. В этих работах, особенно в возведении больших обжиговых печей, были заняты, помимо рабов, солдаты, получившие увечья в схватках с врагом и непригодные для строевой службы.

Решающую роль в этом, невиданном для армии эксперименте, играл иудей, сознавал он это или нет. Зато хорошо сознавал гекатонтарх Силонос.

Его замысел объяснялся тяжелым финансовым положением крепости, казна которой была пуста. Окружающие Дура-Европос селения были бедны, а с усилением парфянских вылазок, и вовсе прекратили платить военный налог. Мало помогали карательные меры, применяемые войсками гарнизона. Керамические же мастерские, по разумению Силоноса, открывали какие-то перспективы.

Интуитивно он искренне поверил в способности иудея. Тот хорошо владел ремеслом. Знал многие виды глины, как и то, где их искать. Легко находил нужные ему цветные пески, знал их свойства и цвет изделий после обжига.

Силонос видел, как иудей, варьируя количеством и влажностью топлива, направленностью огня, получал богатую гамму оттенков, обжигаемых изделий, от угольно — черного и серо-перламутрового до золотисто-розового.

Привычные изделия, рождавшиеся под руками иудея, отличались от греческих. На них не было знакомых Силоносу рисунков: ни батальных сцен, ни богов, ни героев с их бессмертными подвигами. Даже орнамента и расцветка были иными.

Удивляло и то, с какой быстротой освоилась в мастерских Эста — одна из рабынь, которую Силонос передал в распоряжение Эльзара. Создавалось впечатление, будто она всю жизнь только тем и занималась, что разрисовывала поверхности кувшинов для вина вьющейся лозой, либо гроздьями винограда... И рисунки эти были столь правдоподобны, что казалось листья или виноградные ягоды только что срезаны в винограднике и непонятным образом прикреплены к выпуклым бокам кувшинов.

За годы службы на Востоке, Силонос привык ко многому. Ему даже стали нравиться покрытия желто-песочного цвета, характерные для большинства керамических изделий иудея. Незатейливые рисунки подчеркивали особый волнующий свет, излучаемый золотистым фоном. Этот проникающий в душу фон навечно запомнился эллину со времени изнурительных переходов по бескрайней Вавилонской пустыне.

Да и остальные гончарные изделия, множество которых иудей отправлял на рынок, были весьма необычны. Внешне грубоватые, они, однако, привлекали внимание покупателей. Так, например, хорошим спросом у жителей Дура-Европоса и у купцов из проходивших мимо караванов пользовались подносы для фруктов, разрисованные тарелки с плавно поднятыми краями, кувшины для питьевой воды.

Особый спрос был на кувшины. Высокие, однотонные, с узким горлом и вдавленным внутрь дном, они были удобны для переноски и хранения воды и казались удивительно легкими.

Быстро раскупались и небольшие конусообразные сосуды для хранения оливкового масла. Они, как правило, были с острым и изящным носиком, что позволяло сохранить каждую каплю масла, заливаемого в настольные глиняные светильники.

Силонос видел в гончарных изделиях иудея не просто предметы обихода.

Он вспоминал свою студенческую юность, когда перед ним были открыты дороги в любую сферу искусств, в любую область знаний. Его радостно принимали даже в кругах философов — этой высшей касте властителей дум Эллады.

Он мысленно сравнивал амфоры, килики, кувшины иудея с подобными же изделиями, изготовлявшимися лучшими афинскими керамистами, и, неожиданно для самого себя, обнаруживал бесспорную самобытность работ Эльзара.

На эти изделия был хороший спрос, что подтверждало объективность его оценки. К тому же деньги, вырученные от их продажи, как и предполагал Силонос, хотя и в небольшой степени, но пополняли крайне скудную казну крепости. И, если бы не этот источник, то даже офицеры не получили бы за последние полгода ни одной лепты. Так что Силонос, поверивший в способности иудея, был доволен собой.

Парадоксальным было и то, что богатые знания, когда-то приобретенные им и далекие от военного искусства, оказались востребованными неожиданно для него самого.

Однако участвовавшие в нападении парфян, пользующихся ослаблением трона Антиоха, вызывали тревогу и отвлекали внимание гекатонтарха.

Об этих нападениях Силонос постоянно оповещал высшее командование, но там, видимо, больше были заняты внутренними распрями и депеши из какого-то Дура-Европоса мало кого интересовали.

Тем не менее, гекатонтарх, со свойственной ему последовательностью, решил укрепить стены города. Он начал тщательный осмотр крепости. Среди конников, сопровождавших Силоноса, был и Эльзар. Силонос с удовольствием отмечал, что иудей превзошел все его ожидания — он оказался превосходным наездником.

Однажды, объезжая стены города с внутренней стороны, Силонос обнаружил необычное строение, непосредственно примыкающее к крепостной стене. Хотел тут же приказать разрушить его, так как это строение могло послужить врагу для облегченного проникновения в город, но, увидев, что Эльзар остановил коня у этого строения и с кем-то дружески беседует,

подъехал к ним и в собеседнике Эльзара узнал местного иудея, которого не раз видел в гончарных мастерских.

— Рав Нафтали, — четко, как того требовал устав, представил своего собеседника Эльзар, и продолжил: — Рав Нафтали вышел из бейт-кнессета, чтобы в твоём лице, гекатонтарх, приветствовать храбрых защитников города! — затем сделал небольшую паузу, вновь выслушал раввина и с удивлением посмотрел на Силоноса.

— Раввин говорит, что ночью к ним пришли парфянские лазутчики и потребовали открыть ворота города в нужный для них момент. За эту услугу они обещали сохранить жизнь всем иудеям после захвата города.

Это сообщение еще больше насторожило Силоноса. Война явно приближалась.

— И еще, — продолжил Эльзар, — рав Нафтали сказал, что еврейская община Дура-Европоса — маленькая и слабая и она не занимается ни политикой, ни войной. Мы молимся, — и он указал на бейт-кнессет, который всего несколько минут тому Силонос намерен был разрушить.

Иудеи Дура-Европоса, — произнес рав Нафтали, — зарабатывают на жизнь обработкой шкур, делают ремни для конских упряжек, шьют мехи для воды, торгуют, но какая теперь торговля?... Все только и говорят о войне.

Силонос, хоть и был занят своими мыслями, тем не менее, внимательно слушал раввина, потом спросил: "Когда у вас были лазутчики?"

Рав Нафтали немного замялся, потом вместо ответа задал вопрос:

— Почему уважаемый гекатонтарх говорит: *были*? Они у нас *есть*.

И раввин пригласил Силоноса войти вместе с ним в помещение, находившееся под одной крышей с бейт-кнессетом.

— Здесь мы храним всякие изношенные вещи, — объяснил рав Нафтали, — старые истершиеся ковры, одежду, собранную для нуждающихся. А вот и интересующие тебя люди, — скромно закончил раввин.

На потертых коврах лежали три человека, связанные одной веревкой. Двое — лицом вниз, на их окровавленных ниже пояса спинах белели повязки. Третий примостился на боку и был в полуобморочном состоянии.

Видя озадаченное лицо Силоноса, рав Нафтали объяснил, что парфяне пришли не как честные люди, через главные ворота, но предпочли прыгать со стен крепости на крышу бейт-кнессета.

Крыша эта, конечно же, выше чем земля, и для защиты от воров, грабителей и других непрошенных гостей, мы установили острые колья и эти двое, спрыгнув с высокой стены, присели на эти колья, а у третьего проколот бок.

Мы обнаружили несчастных на рассвете, когда пришли на *шахарит*, — пояснил рав Нафтали, и я попросил мальчиков перенести раненых в помещение. Оказали им первую помощь, но все они плохи. Особенно тот, с дырой в боку. Он сказал, что он их командир и передал требование парфян, выполнить которое, как понимает уважаемый гекатонтарх, мы ни за что не могли бы.

Силонос объявил парфян пленными и велел перевезти в военный лагерь.

О разрушении бейт-кнессета, пристроенного к городской стене, он больше не упоминал. Однако учел необычную защиту, примененную иудеями. Эту защиту он затем не раз использовал в своей практике

Осматривая бейт-кнессет, Силонос обратил внимание на короткую арамейскую надпись над арон-акодеш и на геометрические фигуры цветной росписи. Арамейский язык он учил в военной академии. В рисунках же растительного орнамента он обнаружил немалое сходство со знакомыми с детства элементами.

„Откуда они здесь?“ — удивился эллин и решил, если представится возможность, прикажет Эльазару познакомить его поближе с иудейской общиной, её историей и традициями.

Впоследствии гекатонтарх не раз прибегал к услугам рава Нафтали. Тот был сведущим человеком не только в Писании, священном для иудеев, но и в лекарском деле, столь важном для Силоноса в наступившие тревожные времена. Раввин был лоялен, доброжелателен и немалая в этом заслуга, в чем Силонос был глубоко уверен, принадлежала Эльазару.

Однако настоящая, незаметная для постороннего взора, дружба между эллином и иудеем возникла после недавних событий в ущелье Ару.

Сгущавшиеся опасности вокруг форпоста потребовали от гекатонтарха срочного составления подробной карты района и, в частности, прилегавшего к городу ущелья Ару.

Взяв с собой небольшой отряд конников, среди которых был и Эльазар, Силонос к ущелью. Это ущелье было идеальным путем для скрытного приближения противника к городским стенам. И Силонос поставил своей задачей найти наиболее удобные позиции для наблюдателей, для засад копейщиков, и скрытых гнезд лучников и пращевиков.

Эльазар, вдоль и поперек исходивший ущелье Ару в поисках нужных ему глин, сообщил гекатонтарху немало полезных сведений. В итоге картографирование было завершено еще до захода солнца.

Неожиданно просвистевшая стрела задела плечо Силоноса, поправлявшего шпоры, и вонзилась в луку седла. Лошадь тревожно заржала и поднялась на дыбы.

Силонос мгновенно прильнул к выступу скалы. В тот же миг о камень ударились не менее четырех стрел. Силонос выглянул и увидел, что из широкой расщелины выбежало десятка полтора парфянских воинов. Они были хорошо обучены, как тут же определил опытный глаз офицера

Прячась за валунами, парфяне продолжали окружать конников Силоноса. На стороне нападающих было явное преимущество в количестве и в маневренности. Они действовали, не торопясь, как на учениях. Пятеро стояли и метали камни из пращи, либо стреляли из луков, в то время как другая группа, под их прикрытием, быстро перебежала, приближаясь к окруженным. Потом группы менялись местами, и всё повторялось снова.

Конник из отряда Силоноса попытались подняться навстречу наступающим, но тут же был сражен.

Парфянами командовал рослый воин могучего телосложения. На нем был боевой плащ, обшитый медными пластинами. Такой плащ хорошо защищал от удара меча или стрелы, но не от дротика. И Силонос, выждав когда тот окажется на нужном от него расстоянии, мгновенно встал и метнул дротик, но в ту же секунду на пути дротика оказался парфянский лучник и дротик буквально снес его со скалы.

„Противнику повезло!“ — со злостью отметил Силонос и по мере приближения нападавших, приказал оставшимся воинам сгруппироваться в *тетраганон*, и занять круговую оборону.

Парфяне были совсем близко, слышно было их тяжелое дыхание. В этот момент конь Эльазара вынес его из-за скалы, и Эльазар метнул дротик в командира парфян. Удар был настолько силен, что дротик прошел насквозь и завис на спине врага.

Мгновенная тишина разорвалась победоносным криком конников Силоноса, тут же перебившие врагов.

„Теперь они придут не скоро, — заключил Силонос. — Лазутчики пойманы. Отряд уничтожен“.

Воины Силоноса, груженные оружием парфян и их военными доспехами, возвратились в крепость.

Вызвали лекаря, и тот довольно быстро извлек наконечники стрел из тел раненых. И каково было удивление Эльазара, когда в лекаре он узнал рава Нафтали, хотя тот и был с ног

до головы укутан в белую тунику. Раввину помогала такая же молчаливая женщина. Её лица не было видно. И лишь крепкие кисти смуглых рук непрерывно двигались, упреждая распоряжения лекаря.

Силонос видел, что после этого случая, отношение конников к иудею изменилось. Вместо прежней подозрительности и нескрываемого презрения, появилось любопытство и проблески взаимопонимания. Теперь они были равны, рекрут-иудей и закаленные в схватках фессалийские воины.

С первых лучей утреннего солнца и до поздней ночи гекатонтарх Силонос тщательно дополнял топографическую карту района. Теперь она могла понадобиться в любую минуту. Работа над картой занимала все его время.

В центре его шатра находился каменный стол, покрытый слоем хорошо выработанной бычьей кожи. По периметру стола были размещены более дюжины масляных светильников. Их горящие язычки колебались, завиваясь струйками копотного дыма.

Требовалось огромное напряжение сил и зрения, чтобы при таком освещении наносить на пергамент тончайшие профильные линии местности, пунктиры дорог, всевозможные углубления и колодцы. Это хорошо понимал Эльзар и вызвался помочь гекатонтарху, так как знал наизусть многие потаенные уголки ущелья.

Быть может именно эти ночные бдения в копоты светильников и дыму факелов пробудили в Эльзаре неотвратимое желание сделать для Силоноса светильник, который бы мог заменить все эти коптящие, дымящие и чадящие чудовища и тем самым, хоть в какой-то мере, помочь человеку, в добром сердце которого, Эльзар не сомневался.

К тому же, завершался срок его рекрутской службы и Эльзар был намерен как можно скорее возвратиться домой.

Начались мучительные поиски формы светильника. В любую свободную минуту, днем и ночью Эльзар месил глину, лепил и сминал десятки различных силуэтов и форм, однако *та самая*, единственно нужная, не появлялась.

Решение пришло с совершенно неожиданной стороны. Однако, еще задолго до этого, произошли важные события, о которых необходимо упомянуть.

Еще во времена Александра Македонского, ответившего на просьбу Первосвященника иерусалимского Храма, был издан приказ,

согласно которому каждый седьмой день недели становился для солдат-иудеев, служивших в греческих войсках, днем отдыха и молитв.

В дальнейшем, когда великий полководец ушел в бессмертие, а между его соратниками началась борьба за престол, это решение было забыто. Тем не менее, его никто не отменял и, воспользовавшись этим, гекатонтарх Силонос разрешил иудею Эльзару посещать по субботам синагогу в Дура-Европосе.

Рав Нафтали выделил ему почётное место рядом с арон-акодеш. Здесь, обычно, молились самые уважаемые люди города.

Иудеи общины видели в Эльзаре законного представителя Святой Земли, откуда их предки были изгнаны много лет назад царем Вавилона Навуходоносором.

Потом при царе Кире, — да будет незабвенным его имя! — иудеям было позволено возвратиться в родные края, однако судьба распоряжается по-своему. На всё Его воля! Не все возвращались в Иудею.

Тем не менее, иудеи общины Дура-Европоса хорошо помнят, где их настоящая родина, преданы ей и счастливы встретить человека оттуда! Каждый старался выразить Эльзару дружеские чувства, притронуться к нему, незаметно поцеловать краешек его одежды. Ведь он

родился *там*! Он был частицей их земли, которую они видели во снах; о которой постоянно грезили. В честь которой возносили самозабвенные молитвы.

Начальник отряда копейщиков Филон относился к иудею враждебно. Его раздражали еженедельные отлучки Эльзара, перешептывания с местными иудеями.

— Кто может такое позволить? — нарочито громко в присутствии гекатонтарха Силона спросил Филон. — Вместо очищающей жертвы всемогущим богам Эллады, он воздает молитвы в своей варварской *синагоге*.

Однако по натуре Филон был человеком не злобным, и когда обнаружил, к величайшему своему удивлению, что иудей ни в чем не уступает его профессиональным солдатам, дальше сердитых замечаний дело не пошло.

Случай в ущелье Ару, в корне изменили отношение Филона к иудею. Он даже сказал как-то, что не прочь взять его обратно в отряд копейщиков. На что Эльзар ответил, что он и на коне остается копейщиком.

— Врешь, иудей, — беззлобно парировал Филон, — ты был и остаешься не копейщиком, но *горшечником*! Впрочем, в умении хорошо метнуть копье тебе не откажешь.

Дом собраний в Дура-Европосе находился в невысоком здании, сложенном из хорошо подогнанных камней, собранных в ущелье Ару.

Здание было вытянуто на 20 локтей вдоль городской стены и на 10 локтей в ширину. Внутренние стены были гладко отштукатурены.

Под потолком и параллельно полу пролегли широкие линии цветного орнамента повторяющихся геометрических фигур. По углам здания от потолка до пола опускались ленты искусно нарисованных виноградных лоз, увешенных сочными гроздьями. И лишь на одной стене, находившейся напротив арон-акодеш, находилась фреска с изображением большой группы израильских воинов в греческих военных доспехах: они защищали Иерусалим.

И когда в бейт-кнессет входил Эльзар, все смотрели на него и невольно переводили взгляд на воинов, изображенных на фреске. Иудеи Дура-Европоса знали, что рекрутская служба тяжела, но безмерно гордились, видя своего в военных доспехах.

Арон-акодеш размещался в полукруглой нише, обращенной в сторону Иерусалима. Над арон-акодеш тускло высвечивала небольшая надпись на арамейском, которую и заметил Силон.

Люди сидели на каменных скамьях вдоль стен. Неширокие сидения были покрыты коврами, местами лежали подушки, расшитые цветными нитями. Здесь можно было узнать последние новости, велись деловые разговоры, заключали сделки, неистово молились.

Эльзар молился. Его всегда первым вызывали к Торе. Внимательно прислушивались к новым ударениям и акцентам, ныне

принятым в Иудее, пытались подражать, либо горячо спорили о правомочности вносить хотя бы малейших изменений в установленный порядок чтения.

Как и другие, Эльзар вел деловые разговоры: получал заказы, заключал сделки, отчаянно торговался. Почёт — почётом, а дело — делом.

Особым успехом у иудеев Дура-Европоса пользовались субботние кубки. Они были легки и ни в какое сравнение не шли с тяжелыми солдатскими кружками. Эльзару удалось подобрать смесь, которая позволяла ему делать кубки тонкостенными. Их привлекательность усиливал и их золотистый цвет.

На золотистом фоне отчетливо выделялся тончайший зеленый орнамент. Он охватывал чашу кубка и сгущался на его основании, отчего кубки выглядели нарядными, праздничными, достойными царицы Субботы.

Этот орнамент был делом рук рабыни Эсты.

Эльзар наблюдал, как эти руки растирали глины, превращали в пыль цветной песок, как из тончайших былинки связывали кисти, видел, как тщательно она составляла цветовую смесь, а затем медленно, с невероятным терпением, наносила эту смесь, на кубки, подносы, на кувшины для вина.

За четыре года работы в гончарной мастерской Эста окрепла, посвежела лицом, на щеках появился широкий смуглый румянец. И хотя она была одета как все рабыни, в тунику из грубой серой ткани, она ухитрилась сделать её нарядной: подгибала рукава, подвязывалась ремешком, прижимала свисавшие подола, словом делала все, что было необходимо для удобства работы. Работала же она с раннего утра до ярких вечерних звезд.

Видя, как Эста носится вдоль обжиговых печей, мечется по мастерской от одного изделия к другому, Эльзар велел поставить еще один шатер и перенести в него все изделия, подлежащие росписи и окраске.

Наблюдая за работой Эсты, он с интересом обнаружил приверженность рабыни к рисованию растительных орнаментов. Она почти не изображала людей, редко животных. Её занимали остроконечные горы, ручьи, пустынные пейзажи, пальмовые листья, плоды гранатового дерева, бесконечные нити виноградных лоз. Эти лозы вились по крутым бокам винных кувшинов, огибали их, сплетались и переплетались, подобно дорогам и человеческим судьбам.

И, когда однажды Эльзар сказал Эсте об этих своих наблюдениях, она смутилась, вспыхнула и, с глазами полными слез, выбежала из шатра.

Иногда к ним заходил Филон. Он явно засматривался на похорошевшую рабыню. Грубо шутил. Но когда однажды попытался взять её в свой шатер, как это делал с другими рабынями, его остановил Эльзар.

— Она моя собственность!

— Вот как! — грозно насупился офицер. — Это за какие же деньги, иудей, ты её выкупил?! — Но, посмотрев на улыбающегося Эльзара, разочарованного протянул, — неужели отдал в казну "приданое"?

Эльзар кивнул. К знаку солдатского отличия "За храбрость", который он получил, придавался талант серебром.

— Вот и пойми вас, иудеев, — примирительно подытожил Филон, — отдать такие огромные деньги за рабыню, которая и так в твоём полном распоряжении.

— Теперь в полном, — кивнул Эльзар. И Филон, махнув рукой, вышел. Частную собственность он уважал.

Силонос был также немало удивлен, когда узнал, что иудей, в качестве выкупа за рабыню, внес в казну крепости все, причитающиеся ему деньги, до последнего халкуса, но ничего не сказав, подписал право Эльзара на его собственность.

Когда же Эльзар сообщил об этом рабыне, она ответила грустной улыбкой. На её лице отразились сомнение, недоверие, печаль. Тогда Эльзар показал ей документ, подписанный Силоносом. Она развернула папирус, бегло прочитала, чем немало удивила Эльзара, передала обратно и, ничего не сказав, склонила голову. Так обычно поступали рабыни перед новым владельцем.

Всё это Эльзар поведал раву Нафтали, и тот велел привести рабыню в бейт-кнессет.

Они беседовали втроём

— Рассказал ли ты принадлежащей тебе рабыне, о наших законах на этот счёт?

— Да, я предупредил её, что после семи лет рабства, она будет свободным человеком.

— Мне это было известно и раньше, — неожиданно вмешалась в разговор рабыня, — и, умоляю вас, да простится мне дерзость, на которую я осмелилась, заговорив с вами.

— Продолжай, дочь неволи, — с теплотой и заинтересованностью сказал рав Нафтали.

— Но я не знала, — продолжала рабыня, — что греческий воин, дружащий с эллинами, сам не превратился в элина, и будет придерживаться иудейских законов.

— А знаешь ли ты, несчастная, кто твои родители и где пребывают они сейчас? — не обратив внимания на её реплику, все так же участливо продолжал раввин.

Эста молчала. А затем, как бы просыпаясь после тяжелого сна, посмотрела на Эльзара. В её взгляде была мольба, покорность, затаённая надежда.

— Позволит ли мой хозяин ответить?

Эльзар кивнул, но рав Нафтали задал еще один, явно занимавший его, вопрос.

— В твоём арамейском я слышу не только отзвуки языка Вавилонского пленения, но и неизвестные мне ритмы и особый мягкий напев. Расскажи всё, что помнишь, о себе. Ты среди друзей, дочь моя.

— Моим учителем был дедушка Ахав, — начала Эста, — он учил меня родному языку, много рассказывал о далеком прошлом нашего народа. Он говорил, что наши предки прибыли из Вавилона, куда их привез сам Навуходоносор.

— Как это привез? — удивлялась я. — Они ведь люди, а не вещи!

— Они, действительно, люди, — соглашался дедушка Ахав, — но они были его пленниками, его рабами. А рабы — это все равно, что вещи: их можно купить и продать.

Эста замолкла, проглатывая навернувшиеся слёзы.

— Значит, дочь моя, ты из иудейской семьи, — утвердительно сказал раввин. — Я это понял уже из рассказов Эльзара, однако хотел в этом убедиться лично. Теперь расскажи, как ты попала в рабство? Я понимаю, что больно копаться в открытой ране, но извини старого человека, это надо сделать. Без этого трудно наметить правильное лечение.

— Мне тогда было пятнадцать лет, — явно волнуясь, начала рассказ Эста, — к нам в селение съехалось в тот день много гостей, даже из самых далёких уголков Эфирики. Не смолкали радостные голоса, играли флейты, кифары и арфы, ритмично звенели бубны.

Отец и мама встречали прибывавших гостей, братья соревновались в ловкости езды на лошадях. У нас было много хороших лошадей! — Эста на мгновение оживилась, в её больших зеленых глазах мелькнули затаённые искры и тут же погасли, она надолго замолкла.

Никто её не подгонял. И Эста, переведя дух, продолжала:

— Мы с подружками затеяли какую-то игру, уже не помню, какую. Я спряталась за большим кустом барбариса. А потом увидела, что нас ищут мальчишки, и мы решили убежать к морю.

— Лучше бы я тогда погибла! — с отчаянием в голосе воскликнула она. И, немного успокоившись, продолжала:

— Море было спокойным и голубым, как небо. По морю плыли большие белые облака. Мы стояли около ручья, сбегавшего с гор. Этот ручей, — объяснила Эста, — протекал через наше селение, и мы часто бросали в его стремительные воды венки из ромашек, а потом сбегали вниз, чтобы их поймать еще до того как венки уплывут в море.

Мы не обратили внимания на большую лодку, спрятанную недалеко от устья нашего ручья. Когда же увидели чужих людей, выскочивших из густых прибрежных зарослей, было поздно. Мы начали изо всех сил кричать, пытались убежать, но они накинули на нас мешки и унесли на лодки.

— Мы стали рабынями греческих разбойников, живущих в каком-то полисе на берегах Понта Эвксинского. Вначале мы работали на виноградниках, — вспоминала Эста, — потом собирали колосья ячменя, вязали снопы, ухаживали за козами и овцами, доили, делали сыр.

Но однажды нас разделили. Меня продали владельцу лавки по имени Деметрий. Он торговал всем необходимым для ловли рыбы. Мы вязали сети, вили канаты, шили паруса. Деметрий был добрым человеком, не бил нас, давал еду. Но его сын — Меланос был настоящим раз-

бойником! Он все время хвастал, что это он и его друзья привезли добычу с берегов Эфирики. Другие разбойники боялись даже нос показать в наших краях!

Страшно стало, когда умер Деметрий. Меланос начал приставать, — и в широко раскрытых глазах Эсты застыл ужас, руки её мелко дрожали, — Меланос бил нас плетью, не давал есть. Потом продал меня купцу из Александрии, а этот повез нас в Парфию.

Так я оказалась в караване, ползущем через страшную пустыню. Я больше не могла выдержать страданий и решила умереть. Перестала есть и пить. Но хозяин заметил это и страшно меня избил. Он кричал, что я воровка, что я хочу себя украсть у него! И бил, бил, бил. Потом заставил меня пить и есть. Он все время бросал мне еду. Следил, чтобы я окончательно не ослабела и не сдохла. Ведь он тогда не сможет отдать меня в гарем богатого парфянина, с которым он заключил сделку.

— А дальше вы всё знаете, — с облегчением завершила печальный рассказ Эста. — Наемники-парфяне, охранявшие наш караван, решили захватить около Дура-Европоса еще дюжину рабов, вместо умерших по дороге, но на этот раз им не повезло.

— Теперь я у нового владельца, — и она, посмотрев в сторону Эльазара, покорно склонила голову.

В гончарную мастерскую они вернулись вместе. Впереди шел Эльазар. За ним, в трех шагах, следовала Эста. Оба не проронили ни слова. Эста, растревоженная воспоминаниями. Эльазар — услышанным.

Разница состояла лишь в том, что теперь хозяином несчастной был он, Эльазар бен Рехавам.

Вскоре, занятый военными учениями и многочисленными заботами, Эльазар забыл (или сделал вид что забыл) о разговоре, состоявшемся в бейт-кнессете. Однако ему напомнила об этом Эста и напомнила совершенно необычным образом.

В один из рабочих дней, она зашла в его шатер и положила перед ним сырую глиняную табличку. На ней был нацарапан заостренной палочкой какой-то рисунок.

— Ты говорил о светильнике, — сказала она. — не эту ли форму ты имел в виду?

— Эту! — выдохнул крайне удивленный совпадением нарисованного Эстой, с тем светильником, который он видел в своем воображении.

На плитке был тот же диск, с локоть в диаметре, весьма похожий на увеличенное в сотню раз чечевичное зерно. В такой диск могло свободно войти полтора кувшина оливкового масла.

Через равные промежутки, по периметру диска, располагались семь расширявшихся кверху рожков. В каждый рожок входил фитиль толщиной в дактиль. Такой светильник, подобно хорошему греческому лампону, мог давать много света.

Продолжая вглядываться в рисунок, нацарапанный Эстой, Эльазар невольно вскрикнул:

— Но я не рисовал этого!

— Нет, — быстро ответила Эста, — но ты всё время думаешь именно о таком светильнике, как и о том, где найти глину, которая позволила бы создать именно эту форму. До сегодня такой глины у тебя под рукой не было.

Эльазар молчал, потрясённый услышанным. И лишь овладев собой, спокойно произнес:

— Глина уже привезена.

Эста кивнула и пошла к промывочным бассейнам. Начался обычный рабочий день. Когда тщательно просеянная и промытая глина достаточно подсохла, Эльазар спустился в бассейн, произнес молитву и отсёк кусок средней величины.

Глина была мягкой, чистой и эластичной. Послушно принимала нужную форму. Самозабвенно работавший Эльазар, не успев завершить лепку, неожиданно прервал работу. Каким образом и чем будет крепиться диск? Разместиться ли он на треноге, либо будет подвешен к потолку?

Эльазар невольно взглянул на схему, нацарапанную Эстой. Здесь было изображено решение, о котором он не думал.

От каждого рожка шли тонко сплетенные кожаные ремешки, они кольцом охватывали основание каждого рожка и были протянуты к центру диска, как понизу, так и поверху. Здесь ремешки скреплялись в прочное кольцо, напоминавшее венки из ромашек.

К этому кольцу Эльазар впоследствии прикрепил ремень из сыромятной кожи и тот обеспечил прочную подвеску нелегкого светильника к сплетению канатов у потолка шатра.

Когда светильник был готов, Эста попросила разрешения раскрасить его. Эльазар заколебался. Он хорошо знал суровые вкусы Силоноса. Тот предпочитал простоту цветового решения, четкость и ясность. Угадает ли это Эста? Однако тут же отбросил сомнения.

Светильник был подвешен в шатре гекатонтарха, когда тот с очередной инспекцией объезжал крепость. Возвратившись в шатер, Силонос сразу же обратил внимание на светильник, и понял, что это дело рук иудея. Велел вызвать Эльазара.

Пока же он принялся внимательно рассматривать необычное, подвешенное к потолку, сооружение. Ему сразу же понравилась скромная и одновременно нарядная раскраска светильника. Нижняя плоскость диска была аккуратнейшим образом покрыта концентрическими кругами золотистой глазури.

Круги четко отделялись друг от друга узкими полосками угольно-черного цвета. Эта контрастность оживляла тяжелый диск, круги как бы пульсировали, непрерывно двигались, плясали, играли вместе со светом двух горящих фитилей.

Этот светильник напомнил Силоносу древние критские керамические изделия. Разукрашенные черными и белыми полосами, они были чрезвычайно красивые и ценились на вес золота. Вместе с тем, как определил Силонос, светильник иудея был совсем иным. В нем сочеталась необычная красота и изящество, со скрытой духовностью.

Не дождавшись Эльазара, Силонос зажег остальные пять рожков.

Толстые, хорошо подрезанные фитили, почти не дымили. Излучаемый ими свет был устремлен к сходящемуся потолку шатра, и от этого казалось, что сам светильник был устремлен к льющемуся сверху свету. "Именно к свету, — мысленно подчеркнул Силонос, а не к освещению шатра".

То была одна из лучших работ Эльазара.

Силонос знал, что этот светильник завершал пятилетний срок рекрутской службы иудея. Период потрясений, сомнений, недоверия, завершившийся их прочной дружбой.

И только теперь, когда иудей возвращался домой, Силонос почувствовал незнакомую раньше тяжесть расставания. Эльазар не только храбрый воин. С ним он мог говорить о тонкостях искусства керамики, о смысле жизни, о многих, казалось, давно забытых вещах. И эти, незаметные для постороннего глаза беседы, сильно скрашивали суровую и однообразную жизнь вдали от Эллады. К тому же, Эльазар, не стремясь к этому, раскрыл перед ним, потомственным эллином, мудрую душу столь презираемого народа.

Силонос вновь и вновь изучающе смотрел на светильник, и в его сознании мелькнула поразившая его мысль. В висящем в его шатре предмете, созданном руками иудея, была сосредоточена вся философия этого народа — дарить свет другим.

Силонос грустно улыбнулся своему неожиданному открытию.

Ему, эллину, казалась странной вера варвара в единого Бога. С детства он знал реальные силы, управляющие миром. Он мог назвать их по имени. Знал меру могущества каждой из них.

У иудеев же всё было иным, малопонятным и эта непонятность влекла к себе любознательного эллина.

Быть может, встреча с иудеем из далекого селения Модин и была причиной, принятого греком необычного решения. По истечении срока службы в Дура-Европосе, считавшемся

далекой окраиной империи Селевкидов, у гекатонтарха Силоноса появилось право получить хорошую должность в центральной части империи, однако он предпочел службу в Иудее.

Его прошение было довольно быстро удовлетворено. К тому времени Иудея уже слыла беспокойной гипархией. И трудно было найти добровольцев, желавших там служить.

Так гекатонтарх Силонос оказался в Модиине, под командованием гипарха Апеллеса, которому оставалось два года до выхода в отставку.

3. Возвращение

Однако еще задолго до прибытия в Иудею эллина Силоноса, домой, в Модиин, вернулся её коренной житель Эльазар бен Рехавам.

Дорога домой была необычно долгой, и виной тому был сам Эльазар. Он выбрал не кратчайший путь через Мари, к верховьям Евфрата, Антиохию и далее, по морю, к иудейскому порту Яффе, но через Эфес и пролив Босфорус напрямиком к берегам Понта Эвксинского.

Это решение далось Эльазару нелегко.

Взять домой рабыню он не хотел. Его семья никогда не держала рабов. Отпустить же молодую женщину здесь, на месте, без сопровождающего, даже если у неё имеются необходимые для свободного человека документы, было крайне опасно. Повсюду рыскали охотники за живым товаром. Они превращали захваченных людей в рабов и выгодно продавали их тут же, на местных рынках.

Нелегко было преодолеть и жгучее желание быстрее вернуться домой. Его мысли уже были дома. Как там поживает его любимая сестренка Шифра? Он знал, что семьям рекрутов помогает лично коэн Матитьягу, и что её опекает его верный друг Шмуэль. Редкие письма, доходившие до него, подтверждали все это, однако тоска по дому не уменьшалась. Пять лет немалый срок.

Тем не менее, он считал необходимым отвезти Эсту к её семье и тем завершить годы тяжелых страданий, выпавших на её долю.

И была еще одна причина принятого им решения. Причина, о которой он не хотел даже думать и всячески загонял возникавшие чувства в самые отдалённые уголки души.

Он вдруг осознал: совместная работа с Эстой настолько их сблизила, что он растерялся, обнаружив в ней продолжение самого себя. Такого с ним никогда не случалось. У него появилось непреодолимое желание оттянуть момент расставания.

О своем решении сопровождать Эсту он рассказал Силоносу, когда получал от гекатонтарха документ о завершении рекрутской службы.

В официальном папирусе было сказано, что конник Эльазар бен Рехавам из Иудейской гипархии Антиохии возвращается домой, завершив пятилетний срок службы в армии Его Величества Антиоха IУ.

Отдельной строкой было тщательно выведено: Награжден почётным знаком, За храбрость,

Внизу папируса была подпись триадоса: Силоноса, Филона и Главкона. Подписи были прикрыты темно-коричневой печатью.

Передавая папирус, Силонос напомнил, что согласно Указу предыдущего царя — Антиоха III — солдат, удостоившийся знака отличия, За храбрость, при завершении службы, помимо дополнительного таланта серебром, получает максимальные льготы при открытии мастерских и право на беспошлинную продажу по всей территории империи изготовленных им изделий.

Услышал от Эльазара, что тот решил возвратиться домой лишь после того, как отвезет Эсту к берегам Понта, Силонос прервал свои объяснения и замолк. Потом посмотрел на Эльазара. Взят обратно папирус и, ничего не сказав, ушел.

Эльазар удивился. Что произошло, в чем его вина? Эльазар знал, что греческие полисы у берегов Понта Эвксинского вели мятежную политику по отношению к метрополии, перехватывали корабли с собранными налогами, грабили, убивали царских чиновников. Быть может эта ситуация бросила тень на искренность намерений Эльазара?

„Нет! Этого не может быть!“ — решил он и, успокоившись, принялся за подготовку отъезда. В его распоряжении был ровно десять закатов солнца.

Прежде всего, он купил две лошади — себе и Эсте. Это были низкорослые, крепкие животные. Кроме лошадей, он приобрел выносливого мула, способного тащить одежду, провизию, дорожный шатёр.

Затем приступил к тщательному отбору всего необходимого для дальней дороги. Когда и эта часть его плана была выполнена, туго упаковал закупленное, водрузил на мула и лошадей, затем сделал несколько кругов по лагерю.

Лишь убедившись, что ничего не упустил из вида, разгрузил животных и поставил на отдых. До отъезда оставалось четыре заката солнца.

Работы в мастерской были завершены. Сменщика он так и не дождался. Силонос всё время был занят непрерывными маневрами и укреплением городских стен: война с Парфией неуклонно приближалась.

На Эльзара никто не обращал внимания, и впервые за все годы службы он без дела слонялся по обширной территории крепости. Обошел погасшие обжиговые печи, заглянул под сушильные тенты. Обнаружил с десяток кружек и несколько отбракованных кувшинов, на которых явно проступали следы попыток Эсты заделать на них трещины.

Она делала это столь искусно, что порой он не мог отличить хорошее изделие от забракованного. Не раз обнаруживал, что забракованные изделия вновь попадали в обжиговые печи, а затем бесследно исчезали. Изредка он встречал эти изделия на рынке или в руках мальчишек, продававших на улицах города ручьевую воду из ущелья Ару.

Несколько раз намекал на это Эсте, пытался выяснить, что происходит, но она всегда уходила от ответа и делала это так незаметно, что он забывал о заданном вопросе.

Где-то в глубине души заныло чувство тоски. Дорога в пять лет была нелегкой, но он готов был пройти эту дорогу еще раз. Судьба послала ему Силоноса, ставшего другом. И еще он встретил Эсту.

Да, она его безропотная рабыня. Хотя так ли это? Он обнаружил в ней огромную внутреннюю силу, вызывающую невольное желание подчиниться ей. Эту силу чувствовали и окружающие её люди. Они мгновенно выполняли любые её поручения. А ведь он не назначал её старшей.

Он мысленно видел её, легкую и стройную, мечущуюся вдоль печей. Вспоминал её гибкие длинные пальцы, ласкающие нежный, хорошо промешанный комок глины, из которого, как по волшебству, вырастал крохотный кувшин для ароматических масел. Ему даже казалось, что он чувствовал эти ароматы.

Эста же ничего не замечала. Как выпущенная из тугого лука стрела, неслась к цели, известной только ей.

"К какой цели?" — Не находил ответа Эльзар.

Уже давно загашены обжиговые печи. Завершена подготовка к дороге, а она никак не могла уняться.

Размышляя об этом, Эльзар вспомнил, как однажды ночью, когда работники мастерских спали, он забрел в сушильный шатер, служивший одновременно и местом, где Эста расписывала изделия перед отправкой в обжиг.

Поднял повыше смоляной факел, освещавший ему дорогу, с доброжелательностью осмотрел аккуратно расставленные гидрии, кружки, разрисованные подносы. Всё было готово к завершению работ. Ничто не намекало Эльзару на причину необычного поведения Эсты.

Он хотел было выйти, но его внимание привлек старый истертый ковёр, валявшийся в дальнем углу шатра. Подобные ковры он видел лишь в складском помещении бейт-кнессета Дура-Европоса. Он невольно подошел к ковру, приподнял и замер от увиденного. Под ковром оказалось углубление, выстеленное измельченной сухой травой. На этом ложе он увидел множество детских игрушек: свистулек, трещоток, небольших раскрашенных дисков, миниатюрных кувшинчиков, корзиночек для кукол.

Игрушки отличались тщательной отделкой, но главное, что удивило Эльзара, их необычно яркая раскраска. Он даже приблизил факел, чтобы лучше рассмотреть спрятанное.

Ему были неизвестны краски, использованные Эстой. В этом она явно превосходила его. Эльзара охватила огромная радость — ведь Эста была не только его рабыней, но *ученицей*.

Затем, немного успокоившись, уложил на место ковер и в который раз подумал: "Что за всем этим скрывается?"

Сейчас, прощаясь с мастерскими, к которым был так сильно привязан, он вспомнил тот случай с игрушками и вновь зашел в шатер Эсты. Он знал, что её нет, что она отправилась в бейт-кнессет к раву Нафтали — хотела получить напутственное благословение.

Поднял край уже знакомого ему ковра, заглянул в тайник, но там, кроме сухой травы, ничего не было. Вышел. Издали увидел Эсту. Она шла плавным, размашистым шагом. Ему показалось, что она вовсе не касается земли. Парит в воздухе. Её длинная серая хламида бугрилась, выдавая изгибы коленей стройных ног. Талия, как всегда, была перетянута темно-вишневым поясом. Широкая лента такого же цвета перехватывала лоб и густую копну темных волос.

Она увидела Эльзара. Направилась к нему, заторопилась, и он увидел её лицо, озарённое улыбкой. Эльзар мог бы в ту минуту поклясться, что глаза Эсты излучали всё тот же таинственный темно-вишневый свет.

Она замерла в трех шагах от него. Смирненно склонила голову, как это делали рабыни. Он слышал её учащенное дыхание, видел, что она сильно похудела, выглядела усталой, но одухотворенной.

Его пронзило глубокое чувство жалости. Она стояла перед ним беспомощная и до боли близкая.

Руки ей еле заметно дрожали. Стараясь это скрыть, она непрерывно поправляла выбивающиеся из под ленты пряди непослушных волос. От её движений лента ослабла и на плечи упала толстая, туго сплетенная коса. И, ошеломлённый Эльзар увидел перед собой не Эсту, но свою незабвенную невесту — Ривку.

Именно в это мгновение он поклялся Всевышнему, что больше никому и никогда не позволит обидеть эту девушку, даже если это будет стоить ему жизни. Он довезет её до родного порога.

Чувствуя, что произошло что-то необычное, Эста невольно потянулась к нему, но он был непроницаемо суров.

Вскоре раздался топот мчащихся лошадей. Эльзар сразу же узнал связных из Антиохии. В этот день они привозили — засургученные папирусы с приказами и распоряжениями, изредка деньги, письма-пергаменты для офицеров и солдат гарнизона. Вестовые спешили к офицерским шатрам.

Почти одновременно показались конники Силоноса. Они возвращались после учений. За конниками шли копейщики. Эльзар узнал их по негромкой гортанной песне. Эта песня подтягивала, придавала силы бодро войти в ворота крепости. Как всегда, шествие замыкали лучники. Они шли широкой волной без четкого строя, с трудом волоча огромные луки и полупустые чехлы со стрелами.

Утром пришел фессалиец Никас и позвал Эльзара к гекатонтарху Силоносу. Тот был один в просторном офицерском шатре. Он сидел в кресле ручной работы. Эльзар знал, что три таких кресла были подарены гекатонтарху евреями-кожевенниками Дура-Европоса.

Каркас кресла был связан из толстых дубовых веток. На каркас были натянуты кожаные полосы шириной в три дактиля. На таком кресле было удобно сидеть.

Зайдя в офицерский шатер, Эльзар, как всегда, молча ожидал. — Садись! — кивнул на одно из кресел Силонос, и устало улыбнулся. — Ты теперь вольный человек. Можешь спросить, по какому поводу я тебя вызвал. — Но тут же сосредоточился и продолжал: — Нас всех

ожидают тяжелые времена. Надеюсь, что твой Бог поможет тебе. — Затем вынул из ларца свёрнутый в трубку папирус и передал Эльазару: — Прочти!

Эльазар развернул документ. Это был тот же папирус, однако на нем появилась еще одна подпись — Проклоса, инспектора службы контроля Армии. Эта подпись стояла отдельно от подписи триадоса, а четко поставленная печать была характерной для перстневых печатей приближенных к царю людей.

Эльазар вопросительно посмотрел на Силоноса и тот объяснил, что с подписью Проклоса папирус приобретает силу имперского документа и может пригодиться в пути.

Он поднялся. Встал и Эльазар

— Гелиайне, друг! — сказал Силонос по-гречески.

— Шалом тебе, друг! — ответил на иврите Эльазар, и они по-братски обнялись.

На рассвете 14 адара, во второй день недели, ровно через пять лет и десять дней после начала рекрутской службы, Эльазар бен Рехавам направился в Иудею

Однако дорога домой оказалась значительно длиннее, чем он предполагал.

Небольшой караван, состоящий из двух всадников и плотно груженого мула, провожал лишь один человек — фессалиец Никас, с которым у Эльазара сложились деловые и одновременно приятельские отношения. Тот нередко помогал Эльазару при загрузке печей и получал от него комиссионные за продажу гончарных изделий купцам караванов, проходивших мимо Дура-Европоса.

Первые сотни стадий дороги были хорошо знакомы Эльазару. В этих местах конники Силоноса не раз проводили боевые учения.

Пересеченная местность была идеальной для этих целей. Она изобиловала небольшими ущельями, впадинами, обширными песчаными холмами. К тому же рядом была река, что исключало необходимость тащить с собой запасы воды.

Рассказывая все это своей попутчице, Эльазар показал в сторону песчаных холмов, за которыми, в знойной дали пустыни, скрывались заросшие берега Большого Эвфратского канала, иногда называемого рекой *Кебар*. У этих берегов, вспоминал Эльазар рассказ рава Нафтали, находились древние иудейские города Тель-Авив, Тель-Меллах, Тель-Харша, возникшие еще во времена грозного царя Навуходоносора.

В предчувствии дальней дороги, лошади выбрали мерный, неторопливый шаг. Эльазар не гнал их, хотя хорошо знал, что темнота в этих местах наступает неожиданно быстро, а ночи все еще длинные.

Он расслабился. Отдыхал. Наслаждался отсутствием постоянно висевшей над ним необходимости жить в жестких рамках военного распорядка. С удовольствием вспоминал, как заказывал у знакомого портного светлые хламиды себе и Эсте, как выбирал для неё нарядную тунику.

С улыбкой вспоминал, с каким удивлением и благодарностью она приняла подаренные ей высокие закрытые сандалии с приделанными к ним шпорами-шипами.

Он подарил ей и небольшую, связанную из тонких ремешков, плеть. Плеть была легкой, красивой и у самой рукоятки завершалась кольцом из сыромятной кожи. Это кольцо легко накидывалось на запястье руки.

Он с интересом наблюдал, как она обхаживала лошадей. Мыла и ежедневно чистила. Делилась с ними своей едой, даже медовыми лепешками, доставшимися ей при посещении бейт-кнессета.

Радовался, что она неправдоподобно быстро овладела премудростями верховой езды. Казалось, что для неё не составляло никакого труда оседлать лошадь, забраться в седло, управлять поводьями. При этом, все, что она делала Эста сопровождала непонятными словами и еле слышным напевом.

Он даже, шутя, спросил её, не собирается ли она и в дороге разговаривать только с лошадьми?

— Нет! — ответила она совершенно серьезно. — И с моим хозяином тоже.

Теперь, отъехав добрых полтора стадий от Дура-Европоса, Эльзар обнаружил, что на руке Эсты не было плети. Не пользовалась она и шипами на сандалиях. Шипы куда-то исчезли. Даже поводья не были натянутыми. Они свободно висели по обеим сторонам уздечки.

Эста сидела в седле уверенно, словно верховая езда была для неё не вынужденным, но давно привычным делом. Она управляла лошадью еле заметными жестами, легким посвистыванием, голосом, и лошадь с явным удовольствием повиновалась хозяйке.

— Кто тебя этому научил? — не выдержал Эльзар. Ты явно превзошла своего учителя.

— Нет, не превзошла, — ответила Эста, — ты меня научил многому. Ты возвратил меня к жизни... Но первым моим учителем была моя бабушка Сарра.

— Отец разводил породистых лошадей, но объезжала их бабушка. Она была бесстрашна! — в голосе Эсты, зазвучала гордость и глубочайшая тоска. — Бабушка умела говорить с лошадьми, — продолжала она. — Лошади подчинялись ей, как малые дети. Это по её требованию из дому были выброшены все, до последней, плети!

Потом, когда бабушка совсем постарела, она позвала меня и сказала, что научит всему, что сама умела, но я дала клятву хранить это в тайне. Ты первый и... последний, — сказала она очень серьезно, — кто это узнал.

— Я подружилась с лошадьми, — продолжала Эста, — с тех пор как помню себя. В пять лет я уже участвовала в состязаниях и завоевала свой первый приз. Это была плеть с золоченой рукояткой. И бабушка тут же её выбросила. — Сказав это, Эста надолго замолчала, а затем, как бы очнувшись, почти шепотом продолжала:

— Лошади — самые близкие человеку творения Всевышнего, — и уверенно уточнила: — Различие состоит лишь в том, что Всевышний не наделил их человеческой душой. Всё же остальное им дано. У них есть свой язык, ум, хорошая память, которой мог бы... иной человек позавидовать. Они, подобно людям, способны ненавидеть и любить, даже *очень сильно* любить, — последнее она произнесла с глубоким душевным трепетом.

Слушая Эсту, Эльзар блаженно прикрыл глаза. Он наслаждался ощущением свободы. И рядом была она, ради которой он выбрал эту дальнюю дорогу. Не вникая в смысл слов, он прислушивался к её голосу. Этот голос был еле слышен в оглушительной тишине Вавилонской пустыни, но ему представлялось, что этот голос, заполнял всё окружающее пространство, проникал в самые потаённые уголки, его, Эльзара, души.

Незаметно прошел первый день пути. Лошади по-прежнему мерным шагом преодолевали бесконечное пространство. Никто их не торопил. Казалось, они действительно предчувствуют долгую и нелегкую дорогу, экономят силы.

Дорога пролегла по прибрежной пустыне Евфрата. Изредка им пересекали дорогу небольшие стада диких ослов, возвращавшихся с водопоя. Вдали паслись серо-коричневые страусы-гиганты...

Однажды, в том месте, где дорога вплотную приблизилась к руслу реки, Эльзар увидел семейство неторопливых дроф. Он тут же извлек из чехла лук и приложил стрелу, но передумал, не выстрелил. Он и так взял с собой большой запас еды и тащить лишних десять мин свежего дрофиного мяса, было неразумным.

— Дрофиное мясо, печенное на костре вкуснее мяса страуса, — объяснил он Эсте, — но они ни в какое сравнение не идут с мясом куропатки, запеченной в глине.

— А мясо диких ослов ты не пробовал? — спросила Эста.

— Нет! — однозначно ответил Эльзар, — но конникам оно было по вкусу. Они даже запасались им, чтобы поесть дома, в крепости.

— Филон однажды принес мне кусок ослиного мяса, — прервала его Шифра.

— Что?! — опешил Эльзар

— Но я его не ела, — поспешила Эста, — зато наши коты, которых ты приютил в мастерской, с удовольствием сожрали.

Эльзар промолчал, решив про себя, что Эста, быть может, была права, скрыв от него дары Филона.

К вечеру они сделали первый привал. Эльзар выбрал небольшую площадку, окруженную с трех сторон отвесными каменными глыбами, в то время как четвертая сторона была обращена в сторону реки.

Здесь было тихо и спокойно. Сюда не задувал ветер, налетавший из пустыни и приносивший песок и белесую пыль.

Освобожденные от тяжелой поклажи животные, спустились к реке и жадно пили. С ними пошла Эста. Эльзар принялся высекать огонь, чтобы разжечь костер. Около костра поставил навесной шатер для Эсты. Себе же привычно расстелил узкий походный ковёр.

Вскоре Эста возвратилась. Она привела искупанных лошадей. С её хламиды стекали струйки воды, однако, не обращая на это внимание, она с тревогой рассказала Эльзару о странном поведении лошадей.

— Так они ведут себя, когда чувствуют близкую опасность!

— Не тревожься, — успокоил её Эльзар, — здесь мне всё знакомо, никакой опасности нет, — и заботливо добавил: — В твоём шатре я положил сухую одежду. Переоденься, а эту просуши у костра.

Сам же улегся на своё ложе и сделал вид, что засыпает. И, действительно, вскоре заснул, однако по выработавшейся в полевых условиях привычке, спал чутко и мгновенно просыпался от любых неизвестных шорохов.

Проснулся он и на этот раз. Привстал. Полумесяц тускло освещал черный бархат неба, вскоре и вовсе исчез, спрятавшись за глыбами каменных стен.

В сгустившейся темноте Эльзар четко расслышал осторожный топот доброй дюжины лошадей. Прислушиваясь к этому топоту, он решил, что такие звуки могут возникать лишь когда на ноги лошадей надеты звукопоглощающие кожаные мешочки, чтобы незаметно подобраться к противнику, либо лошади вообще были не подкованы.

Он невольно потянулся к луку, забросил на плечо чехол со стрелами. Одну приложил к тетиве. Боковым зрением он увидел, что и Эста не спит. Она подошла к встревоженным животным и принялась их успокаивать.

Не снимая стрелы с натянутого лука, он незаметно выглянул из-за каменного укрытия и громко расхохотался.

Привлеченные запахом лошадей к укрытию Эльзара и Эсты приблизилось стадо диких ослов, но, почуяв людей, они замедлили шаг, а затем, испугавшись, унеслись в сторону посветлевшего горизонта.

Эльзар возвратился в укрытие. Около шатра горел неяркий костер. Эста сидела на камне, туго укутавшись в подсохшую хламиду. Эльзар присел рядом и подробно рассказал о ночных гостях. Затем принес охапку сухого тростника и подкинул в огонь.

Вспыхнувшее пламя осветило лицо Эсты, она прикрыла глаза и блаженно потянулась. Тень её густых длинных ресниц тончайшей вуалью легла на высветленный лоб. Распушенная коса прикрывала плечи, опускалась к поясу. Она улыбалась, глядя на Эльзара, и эта улыбка излучала детскую беспомощность. Манила к себе.

С огромным трудом Эльзар отвел от неё взгляд.

Он вновь и вновь воскрешал в памяти образ Ривки, гибель которой навечно сожгла его чувства. И не была ли её безвременная гибель причиной того, что он добровольно пошел в рекруты, заменив сына лавочника Нимрода, готовившегося к свадьбе?

В этих воспоминаниях он искал поддержку, цеплялся за них, как за спасательный плот, хотя это давалось ему совсем нелегко

Его возвратила к действительности Эста. Она поднялась, подкинула в огонь несколько веток. Чуть заметно потянулась.

— Рассветает, хозяин, — не пора ли нам в дорогу?

— Пора, — быстро согласился, застигнутый врасплох Эльзар, и непривычно торопясь, принялся седлать лошадей. Эста, тем временем, расстелила у костра небольшой квадрат чистого холста, выложила ячменные лепешки, сушеный сыр, пригоршню сухих финик. Вода, в небольшом плоском глиняном сосуде, напоминавшем современную флягу, стояла в стороне. Сосуд был удобен и лучше сохранял содержимое. То была последняя выдумка Эльзара.

Они молча позавтракали, загасили костер и еще до первых лучей утреннего солнца, прошли более двадцати стадий.

Спустя три дня непрерывного пути, не считая коротких привалов, они достигли верховьев Евфрата, затем резко повернули на Запад, вначале к городу Алеппо, а от него, через Сирийские ворота, к Александрии Месопотамской.

Этот город-крепость был основан во времена победоносных походов Александра Македонского, и служил более века опорным пунктом греческого господства в этой части империи. И сейчас Александрия Месопотамская была главным городом Месопотамской гипархии.

В Александрии Эльзар намеревался найти нужный ему корабль, который бы плыл в сторону Геллеспонтского пролива. Пока же отыскивал постоялый двор.

Город располагался на возвышенности, охватывавшей широкой подковой глубоководную, надежно защищенную, бухту. Корабли прибывали сюда со всех концов империи — от далекой Египетской Александрии и критской Сола, до Геллеспонтского пролива и легендарной Тавриды. Для устрашения пиратов, часто нападавших на купеческие корабли, на рейде Александрии грозно возвышались боевые триремы.

После долгих поисков, Эльзар нашел нужный ему корабль. Это было большое двухпалубное судно, направлявшееся в Гераклию Понтийскую. О большей удаче Эльзар не мог и мечтать.

Согласно схеме, данной ему Силоносом, Гераклия находилась на берегах Понта Эвксинского, от неё можно было попасть в Тавриду, как и в любую другую греческую колонию или полис, расположенные вдоль морских берегов.

Одна из таких колоний — Колхидская гавань и была конечной целью Эльзара. Далее можно было подняться на мулах или лошадях к горным селениям Иберики.

Найти столь подходящий корабль помогли Эльзару его находчивость, приобретённая во время рекрутской службы и... случай.

В один из дней, возвращаясь из долгих и безуспешных поисков, он обнаружил, что дверь их жилища на постоялом дворе наглухо заперта. На его стук никто не отвечал. Он замер, пронзенный острой тревогой.

Пришел в себя, когда почувствовал тяжелую руку на своем плече. Перед ним возвышался огромного роста человек и снисходительно улыбался.

— Почему господин рвётся в запертую дверь? — услышал Эльзар насмешливый вопрос.

— Я здесь живу! — резко ответил он.

— Здесь никто *не живет*, — усмехнулся великан, — здесь лишь останавливаются на бесконечных дорогах человеческой жизни, увы, не бесконечной!

Эльзар предпочел не пререкаться. Он подошел к небольшому отверстию комнатного окна, прорезанного в толстой бревенчатой стене, поднялся на цыпочки и увидел бледное испуганное лицо Эсты.

— Что здесь происходит?! — охваченный яростью, повернулся он к непрошеному гостю, но тот бесследно исчез.

Эста, едва открыв дверь, бросилась к нему, рыдая. Он обнял её, принялся успокаивать, как маленького ребёнка.

— Расскажи, что произошло? Кто этот человек?

— Не знаю... — беспомощно всхлипывала она, — три дня тому назад, когда мы только приехали, я заметила этого *циклопа*. Он уже тогда слишком пристально смотрел на меня. С ним было еще двое. Они всё время переговаривались между собой и следили за нами. Потом я их видела еще раз, когда мы были на базаре.

— Так почему же ты не рассказала мне раньше? — отстранился от неё Эльзар.

С тобой, мой хозяин, я ничего не боялась, — прошептала она, крепко держась за Эльзара, — а без тебя мне стало страшно. — Она смотрела на него огромными, полными ужаса глазами. — Они опять могут меня украсть и... тебя тоже. — И она вновь забилась в истерику.

С большим трудом Эльзар успокоил её. Затем, как можно осторожнее, спросил:

— Он к тебе не прикасался?

— Нет, — замотала она головой, — я бы не позволила.

И Эльзар увидел в её руке короткий кривой нож. Такие ножи продавались на базаре у оружейников Дура-Европоса. — Он не приближался ко мне, но сказал, что он из сыскной полиции и разыскивает девочку, которую украли у родителей. Потом начал спрашивать кто я? Мое имя, имя отца, откуда мы и куда едем?

— И что ты ему сказала? — как можно спокойнее спросил Эльзар.

— Я сказала, чтобы он ушел, что без моего хозяина я не скажу ни слова, — и она вновь зарыдалась. — Тогда циклоп заорал на меня и потребовал, чтобы я замолчала, иначе он меня арестует и выяснит не беглая ли я рабыня? — Испугавшись, я забежала в комнату и, как ты велел, закрыла дверь толстой доской.

Некоторое время Эльзар обдумывал услышанное. Потом велел Эсте надеть нарядную хламиду и покрыть голову, как это делали иерусалимские женщины. Сам же облачился в парадную одежду конника и прикрепил пурпурную ленту награжденного "За храбрость". Затем они направились к роскошному дворцу наместника. Здесь же находилась таможенная полиция, сыскная служба и небольшой отряд охраны, состоявший из копейщиков.

Проходя мимо помещений сыскной службы, Эста невольно остановилась. Она увидела своего преследователя — циклопа. Он тоже узнал её и направился, было в её сторону, но, увидев Эльзара, остановился.

Эльзар, ничего не замечая, грубо подтолкнул Эсту — "Не отставай ни на шаг и не оглядывайся!" — услышала она приглушенный голос.

Вскоре они оказались внутри большого двора. В центре солнечными осколками рассыпались струи замысловатого фонтана. И тут же исчезали в прозрачной воде просторного бассейна.

В отличие от шумных и знойных улиц города, здесь было прохладно и тихо. Воины, стоявшие у огромной двери, скрестили копья, но, увидев на кожаном панцире конника пурпурную ленту, мгновенно подняли оружие, приветствуя награжденного.

Царским наместником и одновременно военным комендантом порта, оказался невысокий, плотного телосложения, македонец. Под его массивным носом темнела крупная вишневая родинка, которую он пытался скрыть небольшими усами, не свойственными грекам.

Войдя в огромный зал, Эльзар приветствовал коменданта, как высшего военачальника, приложив правую руку к левому плечу и чуть преклонив голову.

В ответ последовал дружеский взмах руки, который означал ответное приветствие и одновременно приглашение — присесть рядом на высоких, расшитых золотом, подушках.

Эльзар вновь приложил руку к плечу и показал на солнечный закат, что по традициям конников означало: не остается времени на разговоры.

— Кто ты, храбрый воин? И чем могу быть полезен? — раздражаясь поспешностью гостя, спросил комендант.

Вместо ответа Эльзар сделал по-военному два шага вперед и передал коменданту отпускной документ.

Комендант медленно слово за словом прочитал написанное и теперь, уже не скрывая раздражения, довольно грубо спросил:

— Что де ты хочешь, храбрый... иудей? А ведь мне послышался в *твоей* речи фессалийский говор, — и весело захохотал. — У иудея — фессалийский говор!

— Не по диаметросу амфоры определяется вкус вина! — произнес Эльзар одну из фессалийских пословиц, услышанную им от Никоса. — Ты, уважаемый комендант, как мне представляется, невнимательно прочитал документ.

Озадаченный смелым поведением гостя, комендант, скрывая злость, вновь развернул папирус, и вскоре на его лице появилась виноватая улыбка.

Теперь перед Эльзаром был не напыщенный вельможа, но старый армейский служака, по недосмотру допустивший серьезную ошибку и готовый тут же её исправить.

— Я всю жизнь был солдатом, — извиняющимся тоном сказал он, — и моим оружием всегда был меч, а не перо. Потому-то я сразу и не заметил руку и печать самого Проклоса.

— Ты, дорогой посланник, к нам с миссией или проездом? — уже по-деловому, но уважительно спросил комендант.

— Для начала пригласи людей из сыскного отдела, — строго сказал Эльзар.

— Было замечено что-то неладное в моём порту? — озабоченно спросил комендант, но Эльзар ничего не ответил, ждал, и комендант ударил небольшим молотком по висевшему медному диску. Тут же вошел один из копейщиков.

— Манитея ко мне! — приказал комендант и принялся ходить по просторному помещению.

Эльзар боковым зрением наблюдал за Эстой. Она стояла в двух шагах от него. Эльзар опасался, что она не выдержит начавшейся игры и каким-нибудь движением выдаст себя. Но она терпеливо ждала.

Вскоре к коменданту уверенным шагом зашел уже знакомый Эльзару великан. Он оглянулся, узнал Эльзара, его попутчицу и явно растерялся.

— Почему ты приставал к моей спутнице?! — резко спросил Эльзар.

Великан замешкался, сник и Эльзар неожиданно обнаружил, что тот вовсе не так огромен, как показался вначале.

— Отвечай, Манитей! — вновь приказал наместник.

Овладев собой, Манитей четко, по-военному начал докладывать:

— Эта пара вызвала подозрение. Они явно не из наших, — но увидев свирепый взгляд коменданта, поправился, — не их нашей гипархии. К тому же, — Манитей кивнул в сторону Эльзара, — он целыми днями бродил по пристани и все время что-то вынюхивал.

— Вынюхивать — твоя обязанность! — резко оборвал его Эльзар.

— Этот человек, — неуверенно продолжал Манитей, — выспрашивал, как часто корабли идут к Понту Эвксинскому. Зачем ему нужны берега мятежных колоний? — подумал я. — Не везет ли он оружие?

— Ну и...? — продолжал допрос комендант.

— Чем больше мы за ними наблюдали, тем подозрительнее они выглядели. Вначале я подумал, что они муж и жена, но это не так. Потом, что она его сопровождает со всеми необходимыми женскими услугами, но и это не так, — закончил Манитей. — Оружия в его мешках так же не обнаружено.

„Ну и подонок, — со злостью подумал Эльзар, — но дело своё хорошо знает“.

— Дальше! — вновь прикрикнул комендант.

— Дальше я обнаружил, что этот... — Манитей был в затруднении как назвать Эльзара, — этот ...храбрый иудей, бережет свою спутницу как будто она стоит три таланта серебром.

Эльзар заметил, что, произнося эти слова, Манитей выразительно посмотрел на коменданта, но тот отвел глаза, как бы говоря, — сам влип, сам и расхлебывай, меня же в это дело не впутывай.

— И тогда я решил выяснить, — продолжал Манитей, — кто эта молодая особа. Быть может, она нуждается в нашей помощи, Полемарх? — впервые он назвал коменданта по имени, но тот сделал вид, что не слышит.

Только теперь Эльзар понял, какой смертельной опасности он подвергался. Если кто-то оценил Эсту в три таланта серебром, то его жизнь не стоила и лепты. Он посмотрел на Эсту и увидел, как она поспешно спрятала в обширные складки хламиды задрожавшие руки.

— Что все это означает? — хмуро спросил Эльзар, — вы здесь для исполнения имперской службы, или прицениваетесь к женщинам?!

— Дорогой посланник, — примирительно сказал Полемарх, — думаю, что этот бред Манитея идет от чрезмерного усердия, — повернулся к нему, бросил: — Ступай отсюда! — И тот, с проворностью рыси, скрылся за массивной дверью.

Эльзар понял, что Манитей многое не договорил, особенно из того, что касалось Полемарха.

— О каких трёх талантах серебром упомянул Манитей? — насупившись, спросил Эльзар. — В наши времена это значительная сумма даже для имперской казны! Не пахнет ли здесь взяткой, достойной казни?

Полемарх побледнел и, заикаясь, произнес:

— Никак нет, уважаемый посланник! Упомянутые три таланта ничего общего не имеют с интересами имперской службы.

— Тогда как объяснить слова Манитея о трех талантах? — быстро спросил Эльзар.

— Это старая история, — с явной неохотой начал комендант, — лет пять или шесть тому назад разбойники, из мятежных полисов Понта, захватили в Колхидской колонии нескольких девочек и продали их в рабство. Отец одной из них — очень богатый человек, назначил приз в три таланта серебром тому, кто найдет и привезет домой его дочку.

Эльзар мгновенно взглянул на Эсту, не потеряет ли она сознание, услышав подобное? Но она стояла как изваяние.

— Три таланта за девочку?! — переспросил Эльзар. — Это сказочная сумма.

— Вот именно! — поддержал Полемарх. — С тех пор Манитей и рехнулся. Но его можно простить, дорогой посланник, он хороший сыщик и храбрый воин. Трижды ранен.

— Простить?... — в раздумье произнес Эльзар, а затем с явной фамильярностью спросил: — Ты уверен в этом?

— Как в том, что меня зовут Полемарх! — быстро ответил комендант. — В самых тяжелых штурмах Манитей был головным моей фаланги.

— Так тому и быть, — сказал Эльзар, — я полностью полагаюсь на тебя. Простим Манитею его слабость, — а затем, с загадочной улыбкой, добавил: — Что же касается моей сопро-вождающей, то она, поверь мне, стоит значительно больше трех талантов серебром.

Оба понимающе рассмеялись: есть, мол, вещи, о которых не положено распространяться. Тем самым была поставлена точка на явно неприятном для Полемарха разговоре.

— А сейчас, друг Полемарх, я обязан двигаться дальше. Дела не ждут.

— Понимаю, — поспешно согласился Полемарх, — и готов помочь, чем смогу.

— Мне нужен корабль, направляющийся во Фракию.

Полемарх немного подумал и с сожалением сообщил, что в ближайшие две недели таких кораблей не будет, однако есть одна посудина, которая на рассвете отплывает к Гераклие

Понтийской. Она заходит в Милет и на Лесбос, там посланник сможешь пересесть на любой корабль, плывущий к Элладе.

О подобном рейсе Эльазар мог только мечтать. Именно такой рейс он упорно и безуспешно искал. С трудом сдержал вспыхнувшую радость. Сделал вид, что производит в уме какие-то расчеты.

Видя молчание Эльазара, и поняв его по-своему, Полемарх с искренним радушием предложил Эльазару погостить в Александрии еще две недели. А уж он, Полемарх, сделает эти две недели незабываемыми.

— Спасибо, друг Полемарх, немного отдыха — это то, в чем мы все нуждаемся! — потянулся на подушках Эльазар.

— Но обстановка не позволяет, наступают тяжелые времена. — И резко сменив тему, сказал, что ждать две недели он не имеет права и согласен на милетский вариант.

Полемарх облегченно вздохнул, и вызвался проводить гостей в порт.

У одного из причалов стоял большой двухпалубный корабль. На нижней палубе разместились пятьдесят пар гребцов. Сплошь пленные или беглые рабы, все они были прикованы к своим вёслам цепями. Среди рабов, как заметил Эльазар, были персы, саки, финикийцы, мидийцы — все кому не повезло и кто попали в рабство.

Здесь же, на нижней палубе, было оборудовано длинное стойла для лошадей и мулов, загоны для рогатого скота. На просторных площадках стояло около десятка колесниц, надежно привязанных к палубе. Рядом с ними множество груженых арб.

Верхняя палуба была предназначена для пассажиров, корабельной команды и значительной охраны, состоящей из лучников и копейщиков.

Кораблем командовал немолодой, веселый фракиец. К приходу Полемарха он уже успел зарядиться крепким ячменным напитком. Кружка такого напитка могла свалить сильную лошадь, но не капитана.

Увидев издалека важных гостей, он широко развел руки, готовый обнять не только дорогих гостей, но и весь подлунный мир.

Полемарх покосился на Эльазара, но тот улыбался, глядя на радушный прием. И тогда Полемарх также заулыбался и представил капитана:

— Аристос, — и не без гордости добавил: Аристос: как и Манитей, — храбрый воин моей фаланги, — и многозначительно добавил: Он был правофланговым. — Но, встретив скептический взгляд Эльазара, доверительно заметил: — Он позволяет себе глоток-другой крепкого пойла, когда причаливает к берегу, но с выходом в море ни-ни! — и Полемарх потряс перед носом трезвеющего Аристоса, солдатским кулачищем.

Аристос понимающе кивнул, приложив правую руку к левому плечу.

Узнав от Полемарха причину его посещения, тут же повел гостей в носовую часть корабля. Он показал Эльазару просторное помещение с двумя небольшими окошками.

Это одно из лучших помещений на моём корабле, — обратился он к Эльазару, — ты всегда будешь на встречном ветру и не почувствуешь вони рабов и лошадиного дерьма. Однако, — понизил голос Аристос, — это обойдется тебе на 200 драхм дороже. Впрочем, денежные дела — занятие моего помощника — Амфотера.

Полемарх потянулся к висящему на поясе кошельку, делая вид, что готов уплатить за важного гостя, но Эльазар остановил его руку и укоризненно покачал головой.

— Ты и так сделал для меня с избытком! — а затем обратился к Аристосу: — На мне ты много не заработаешь, — строго сказал он, — но приемлемую сумму, заплачу лично и сполна.

Аристос кивнул, подтвердив тем самым, что сделка состоялась.

Затем Эльазар и, неотступно следовавшая за ним Эста, отправились на постоянный двор.

Не мешкая ни минуты, они вновь уложили на мула все свое имущество, оседлали лошадей и спустились к кораблю.

Всё складывалось слишком хорошо, и это вызывало у Эльзара непонятную тревогу.

Когда они поднимались по наклонному трапу на корабль, их встретил Амфотер. Он назвал цену за проезд — 2000 драхм, от которой у Эльзара свело челюсти. Хотя эта сумма была приемлемой для столь длительной поездки.

Эта сумма составляла ровно треть имеющегося у Эльзара таланта, который он получил по завершении службы. На деньги же, накопленные за последние два года, около 800 драхм, он купил мула, лошадей и всё необходимое для долгой дороги.

Уже на корабле, он развязал наплечный мешок и вытащил из него шкатулку с деньгами. Шкатулка была пуста. Эльзар растерялся. Он лихорадочно вывалил на палубу содержимое мешка, ощупал каждую вещь в отдельности, но деньги исчезли. И только тогда он понял: деньги украли в то время, когда они с Эстой были у Полемарха.

Это была катастрофа.

— Во всем виновата я! — в отчаянии воскликнула Эста. — Мне нельзя было оставлять постоянный двор. Без денег нас прогонят с корабля. — И вдруг полушепотом произнесла: — Я родилась несчастной... Отдай меня циклопу... Я слышала, как они сказали, что тот, кто доставит украденную разбойниками девушку, получит от её отца три таланта серебром. Может быть, я и есть та самая девушка?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.